

СТАВРОПОЛЬСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ

Духовное наследие
СВЯТИТЕЛЯ
Игнатия Брянчанинова

Материалы
IV Свято-Игнатиевских чтений

г. Ставрополь, 11-12 мая 2011 г.

Выпуск I

Издательский центр СтПДС

2012

УДК 130.122
ББК 86.37
Д 85

Издано по благословению
Высокопреосвященнейшего Кирилла,
митрополита Ставропольского и Невинномысского

Редколлегия:

протоиерей Владимир Сафонов, проректор Ставропольской
Православной Духовной Семинарии;
протоиерей Михаил Моздор, заведующий кафедрой церковной
истории Ставропольской Православной Духовной Семинарии;
священник Евгений Шишкин, секретарь ученого совета
Ставропольской Православной Духовной Семинарии

Д 85 Духовное наследие святителя Игнатия Брянчанинова:
Материалы IV Свято-Игнатиевских чтений. – Вып. I. –
Ставрополь: Графа, 2012. – 76 с.

ISBN

В сборнике опубликованы материалы первой секции
IV Свято-Игнатиевских чтений, проходивших в городе Став-
рополе 11–12 мая 2011 года. На чтениях были представлены
результаты новейших исследований по различным вопросам
жизни и деятельности святителя Игнатия Брянчанинова, епи-
скопа Кавказского и Черноморского.

Книга адресована всем, кто интересуется личностью и
духовным наследием Святителя.

Авторы несут ответственность за точность цитирования.

ISBN

УДК 130.122
ББК 86.37

© Авторы, 2012
© СтПДС, 2012

Е. М. Аксененко
(Санкт-Петербург)

**Духовное водительство
святителем Игнатием Брянчаниновым
монахов-литераторов
(на примере творчества монахини Марии
(Елизаветы Шаховой))**

Взаимоотношения светской словесности с Церковью и церковной культурой – один из важных аспектов большой научной проблемы «христианство и русская литература», интерес к которой возродился в 1990-х гг. и не угасает до настоящего времени [1]. Уже в первых работах было замечено, что при изучении вопроса «литература – Церковь» нельзя ограничиваться только литературным материалом, необходимы также «культурологические штудии, ведь Церковь повлияла на светскую словесность не только своими произведениями, но едва ли не больше своими подвижниками. Речь должна идти о диалоге двух систем» [2, с. 51–52].

Святитель Игнатий Брянчанинов был наиболее видной духовной личностью Петербурга Николаевской эпохи. Еще при жизни его сочинения причислялись к «писаниям отцов». В них можно найти образцы традиционных для учителей Церкви жанров ораторской прозы и духовного красноречия: проповеди, слова, поучения,

беседы, речи; толкования; письма [3]; агиографического жанра – «Жизнь схимонаха Феодора» (IV, с. 430–443).

Но уже через два года после кончины святителя Игнатия известный библиограф Г. Н. Генна́ди включил имя Преосвященного Игнатия в составленную им библиографию «Краткие сведения о русских писателях и ученых, умерших в 1867 году» [4]. Наряду с тем что в современном академическом биобиблиографическом словаре «Русские писатели» Святитель представлен только как богослов и публицист [5, с. 396–397], некоторые работы на интересующую нас тему отмечают незаурядный литературный дар Преосвященного Игнатия. Один из современных исследователей творчества Святителя, священник Геннадий Беловолов, так писал о художественной стороне его творений: «По изяществу и неповторимости стиля, ясности и отточенности языка, литературной отделке его произведения могут быть поставлены в ряд самых высоких образцов русской «изящной словесности». Чему бы ни были посвящены произведения святителя Игнатия: молитве или посту, борьбе со страстями или памяти смертной, – они всегда запечатлены печатью красоты» [6, с. 9].

В корпусе «Аскетических опытов» святителя Игнатия можно найти произведения собственно художественных жанров: «Иосиф. Священная повесть, заимствованная из книги Бытия (гл. 32–50)» (II, с. 14–45), путевой очерк «Посещение Валаамского монастыря» (I, с. 394–420), стихотворения в прозе: «Странник» (II, с. 294–301), «Житейское море», «Кладбище», «Роса», «Сад во время зимы» и др. (I, с. 165–530). Среди произведений, не вошедших в прижизненное собрание творений Святителя, представлены и такие художественные жанры, как диалог – «Лю-

теранизм» (IV, с. 443–447) и лирическое стихотворение – «Убили сердце...», «Жалоба», «Совет душе моей», «К земному страннику» (VIII, с. 325–327).

Следует заметить, что поэтическое творчество монашествующих – достаточно редкое явление в первой половине XIX в. Можно предположить, что во многом оно осталось неявленным миру, как, например, поэзия игумена Антония (Бочкова) [7]. Среди тех, чье стихотворчество увидело свет, можно вспомнить архимандрита Макария (Глухарева, 1792–1847), настоятеля Болховского монастыря (в сборник «Лепта» (М., 1846) вошли его стихи на библейские и духовно-нравственные темы); схимонаха Сергия (Веснина, 1814–1853), известного под псевдонимом Святогорец (в книгу «Письма Святогорца к друзьям своим о Св. горе Афонской...» (СПб., 1850) также включены его стихотворения) [8].

По наблюдениям первого послереволюционного исследователя творчества Преосвященного Игнатия, игумена Марка (Лозинского), «епископ Игнатий сравнительно часто цитирует Преподобного Нила Сорского, святителя Димитрия Ростовского и Тихона Задонского, преподобного Серафима Саровского, схиархимандрита Паисия Величковского и Георгия Затворника Задонского» [9, с. 227]. Как известно, большинство из этих светильников благочестия были также духовными писателями. А Тихона Задонского Святитель считал одним из самых универсальных церковных писателей, называя его имя вслед за именем Иоанна Златоуста. Главное сочинение Тихона Задонского «Сокровище духовное, от мира собираемое» [10] ближе всего стоит к жанру «молитвенных миниатюр», «стихотворений в прозе» святителя Игнатия

(«Чаша Христова», «Сети миродержца», «Кладбище», «Роса» и др.) (I, с. 165–530).

В письме Н. Н. Муравьеву-Карскому от 6 октября 1847 г. архимандрит Игнатий так определял главную задачу своего духовного писательства: «Не всем быть листьями, цветами, плодами на древе Государственном; надо же кому-нибудь, подобно корням, доставлять ему жизнь и силу занятиями неизвестными, тихими, существенно полезными, существенно необходимыми. Одним из таких занятий признаю утверждение близких в христианской вере и нравственности. Это мирное, скромное занятие живым словом и пером поглощало всегда у меня значительную часть времени...» (V, с. 436).

В окружении святителя Игнатия было много людей искусства, и среди них литераторы: А. С. Норов – друг Пушкина, поэт, переводчик, автор «Путешествия по Святой земле в 1835 г.» [11]; А. П. Башуцкий – прозаик, публицист, журналист, издатель [12]; С. И. Снегирева – прозаик, переводчица, корректор сочинений святителя Игнатия [13]; О. И. Сенковский – прозаик, критик, востоковед, редактор журнала «Библиотека для чтения» [14].

Особое место в литературном окружении Святителя заняла Елизавета Шахова. В восприятии современников, как, впрочем, и потомков, в букете «поэтов пушкинской поры» она так и осталась нераспустившимся бутонном. В возрасте 15 лет Елизавета заявила о своем таланте небольшой книжкой стихотворений, изданной в 1837 г. [15]. Затем последовали многочисленные журнальные публикации и два поэтических сборника [16].

В рецензии 1840 г. П. А. Плетнев написал: «...Если успехи девицы Шаховой, столь заметные и равномерные,

не будут остановлены каким-нибудь обстоятельством, она некогда, в зрелом возрасте своем, должна явиться поэтом со всеми совершенствами художника; а таких поэтов, как у нас, так и во всех литературах, было очень немного» [17]. Но за громким успехом и многообещающим, по словам критики, началом поэтического пути последовал неожиданный с мирской точки зрения уход Елизаветы в 1845 г. в послушницы Спасо-Бородинского монастыря. Между тем, начиная уже с первого стихотворения «Видение девушки», опубликованного О. И. Сенковским в «Библиотеке для чтения» [18], читатель мог почувствовать религиозную настроенность автора, отчасти сформированную условиями ее жизни.

Елизавета была второй дочерью в обедневшей семье, принадлежавшей к старинному дворянскому роду. Семья жила благочестиво и замкнуто. Смерть отца, слепота матери, болезненность самой Елизаветы способствовали ее раннему самоуглублению и религиозности. Знаменательны слова дарительной надписи матери, сделанной в день 16-летия Елизаветы в ее литературном альбоме: «Добрая дочь моя, кроткая Елизавета, ты оправдала мою о тебе надежду, любовь за любовь, я счастливейшая из матерей. Не изменяйся в добродетели, возвысься над несчастьями, уважай достойных, обойди толпу. Клеопатра Шахова» [19, л. 2].

В альбоме, между записями стихов, акварелями и рисунками, – немногочисленные стихотворные посвящения владелице, среди авторов – поэты Лукьян Якубович, Алексей Мейснер, Владимир Бенедиктов. Последнего Елизавета считала своим учителем, как и многие в конце 1830-х гг., находясь под обаянием его яркой, необычной поэзии.

В первом сборнике в стихотворении «К*** (почетному покровителю моему)» она писала:

«...Вы мир поэзии святой
Яснее предо мной раскрыли,
Беседой сладкою своей
Вы благодать мне в сердце влили.
И вспыхнула в душе моей,
Как пламя, искра вдохновенья!
К Престолу Вышнего Творца
С тех пор за вас мои моленья
Я возношу, как за отца!» [15, с. 22–23].

Ученический характер стихов первых лет не мешает увидеть начатки духовной умудренности юной поэтессы. Одно из вписанных Бенедиктовым в альбом Шаховой стихотворений, конечно, не случайно выбранное им, называлось «Молитва»:

«Творец! Ниспошли мне беды и лишенья,
Пусть будет мне горе и спутник, и друг!
Но в сердце оставь мне недуг вдохновенья,
Глубокий, прекрасный, священный недуг!...»

[19, л. 18].

Во втором стихотворном сборнике, изданном Петербургской академией наук через два года после первого, Елизавета помещает стихотворение «Ответ на молитву поэта»:

«Нет! Жребий не зови на бой неровный,
Певец! Он многих побеждал!
И не проси молитвою греховой
Скорбей и бед; – ты, верно, не страдал?
Кто от рожденья до могилы
По воле Божией от жребия терпел,
Благословлен того удел!

Но бойся с ним изведать силы,
Когда в бедах не крепок ты душой;
Когда для ней земные страсти милы,
Ты не готов еще на бой!
Не так молись! Будь верой обеспечен
В победном торжестве над грозною судьбой,
И будет Гений твой возвышен, свят и вечен...
Но смелым вызовом над нею не играй,
И не вымаливай за скорби и лишения
У Неба дар его, луч светлый вдохновенья,
Как мученик за веру – Божий рай!»

(курсив автора. – Е. А.) [16, с. 44–45].

На религиозную сторону лирики начинающей поэтессы обращалось внимание и в отчете о деятельности Императорской Российской академии, в котором говорилось, что наряду с «...легкостью и свободностью стиля, ясностью мыслей, чистотою чувств» стихотворения Е. Шаховой «ознаменованы высокой христианской преданностью воле Провидения в перенесении бедствий» [20, с. 77].

По мере расширения духовной сферы своей жизни Елизавета постепенно освобождается от влияния поэзии Бенедиктова, оставившей заметный след в ранней лирике поэтессы¹. Для Е. Шаховой поэтический дар был неотъемлемой частью духовности, «исканием и нахождением высшей жизни, доступной человеку» [21, с. 524]. Поэтесса воспринимала свое стихотворчество как переданный ей тайный священный завет. Не случайно эпитеты «заветный», «заповедный» особенно любимы ею: «Чей слух уловит звук заповедного клира?» («Выбор жребия»);

¹ История знакомства и литературных отношений Е. И. Шаховой с В. Г. Бенедиктовым – тема отдельного исследования, над которым в настоящее время работает автор статьи.

«призрак незабвенный... заветный дар пророчил» («Фантазия»); «заветные палаты» («Два ангела»).

Онтологически относилась Елизавета и к имени, данному ей при крещении, которое в переводе с древнееврейского означает «почитающая Бога», «клятва Богу». Как известно, глубоко понимаемое средство со святым, чье имя носишь, предполагает «средство духовного типа и общего пути жизни» [22, с. 52]. Постепенно все сильнее начинает звучать в ее лирике мотив ухода из мира. В стихотворении «Выбор жребия» светской женщине-кокетке, чье «легкомыслие поступков и причуд» оправдывается высшим светом, противопоставлена избравшая «одиночества девичьего удел... та из нас, / чей разум овладел / волнением души и волей непреклонной».

В 1841 г., в разгар интереса петербургского общества к поэзии Елизаветы, ее семья уезжает в Москву, к родственникам. Стихотворение «Москва. Три прогулки в Новодевичий монастырь» передает настроение поэтессы этого времени. Лирическая героиня приходит в монастырь вместе с сестрой и подругой; в первый раз они заходят за стену монастыря, во второй – бродят по монастырскому кладбищу; в третий – оказываются в келье:

«...И в третий раз нас было трое,
И долго я домой не шла,
Нас инокиня приняла
В своем молитвенном покое.
И сердце нежилось вполне –
В ее уютной, тесной келье,
Как никогда в мирском веселье,
Так сладко не бывало мне!

Пусть перемчится время злое,
И, может быть, мечтой полна,
Пойдет из врат святых одна,
А за стеной исчезнут двое!» [23, л. 7 об.]².

По мере взросления перед Елизаветой все отчетливее вставал вопрос, в каком служении должна она принести «клятву Богу» – поэтическом или монашеском. Эта антиномия становится главной темой лирики Шаховой в годы, когда определялся ее жизненный путь. Например, в 1842 г. она пишет стихотворение «Вопрос без ответа»:

«Скажите мне – поэт ли я?
Мне мало первых убеждений;
Боюсь, боюсь небытия
Моих сердечных вдохновений.

...

Зачем заглядывает ум
В тайник святыни мирозданья
И дерзко мнит в свободе дум
Воспрянуть даром прорицанья?
И – презирает жизни шум...» [23, л. 2].

О разрешении вопроса она позже напишет в «Автобиографии»: «Но в самый расцвет всех надежд на земное счастье я услышала в ночном молении пред чудотворною семейною иконою Спаса Нерукотворенного чудный Глас с Евангельскими словами: «Приидите ко мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы». Я поняла это в смысле промысла Божия, указывающего мне вступить в монастырь. Я решилась повиноваться Гласу Божию и поступила в Спасо-Бородинский монастырь³ к знакомой

² Старшая сестра Елизаветы, Александра, тоже приняла монашество.

³ Спасо-Бородинский в честь Нерукотворного Образа Господа Иисуса Христа женский монастырь основан в 1838 г. на Бородинском поле, близ

игумении именной Марии Тучковой, где и провела три года новоначалия» [24].

Но оказалось, что уход в монастырь не разрешил основного внутреннего противоречия – возможности совместить несовместимые с точки зрения существующих представлений дары – стихотворчества и молитвенного молчания.

В 1844 г., вероятно, уже готовясь стать послушницей, Шахова пишет стихотворение «К женщинам-поэтам»:

«Я спрошу, сестра меньшая,
Первенствующих сестер:
Жизнь с поэзией мешая,
Рвется ль сердце на простор?
Пламенея вдохновенно
Под влиянием мечты,
Не страшится ль сокровенно
Равносильной полноты
Разнородных двух влияний,
Двух стихий – и двух сияний
Над одною головой?» [23, л. 26 об.].

Определяющим событием жизни Елизаветы стала встреча с архимандритом Игнатием во время посещения им Спасо-Бородинского монастыря в конце июля 1847 г. Будущий святитель, тогда еще настоятель Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом, направляясь к месту лечения в Николо-Бабаевский монастырь⁴, заехал в обитель на Бородинском поле по приглашению игуменьи Марии.

д. Семеновское, вдовой героя Отечественной войны 1812 г. генерал-майора А. А. Тучкова М. М. Тучковой (впоследствии игуменьей Марией) на месте гибели ее мужа.

⁴ Николо-Бабаевский мужской монастырь основан после 1500 г. в посаде Большие Соли (635 км от Костромы и 628 км от Ярославля), на правом берегу Волги, при впадении в нее реки Солоницы.

1847-й стал для архимандрита годом выхода его как писателя к широкой аудитории. До этого времени его произведения распространялись лишь в списках. Незадолго до отъезда в отпуск архимандрит Игнатий писал К. П. Брюллову: «...религия... обратилась для меня в поэзию. И держит в непрерывном чудном вдохновении, в беседе с видимым и невидимым мирами, в несказанном наслаждении. Скуки не знаю; время сократилось, понеслось с чрезвычайною быстротою, – как бы слилось с вечностью; вечность как бы уже наступила» (VI, с. 792).

О посещении Бородинского монастыря архимандрит Игнатий писал наместнику Сергиевой пустыни иеромонаху Игнатию (Васильеву): «В двух обителях на пути моем принят я был как родной: в Угрешской и... Бородинская г-жа игуменья приняла очень радушно. Первый день занимался беседою с одною ею... На другой день некоторые из <сестер> познакомились со мною. А когда я уезжал, то некоторые из них, провожая, со слезами говорили: мы с Вами точно с родным отцом, как будто век знали. И я с ними породнился – есть такие прекрасные души, многие с хорошим светским образованием. ...Какие есть на свете души! И как чудно Слово Божие! Недаром один святой отец говорит, что сеятель сеет сряду, а не известно, которое зерно взойдет и который участок земли даст обильнейший урожай» (VII, с. 350).

Позже Е. Шахова, уже будучи монахиней, подробно и благоговейно описала приезд архимандрита, не называя его имени, в жизнеописании настоятельницы монастыря игуменьи Марии, которая, получив согласие почетного гостя, «предупредила сестер, что у них будет такой посетитель, которого она принимает за посланника Божия, могущего сказать им истинно старческое слово о

спасении» [25, с. 91]. Беседа архимандрита с сестрами во второй день «продлилась далеко после захождения солнца, и только сумрак и свежесть приближавшейся ночи заставили распустить собрание. Но неутомимая игуменья Мария еще не насытилась брашна духовного, вошедши в покои, и удержав при себе нескольких сестер, из более ревнительных и, подобно ей, жаждавших слова Божия из живых уст святого человека, продлила беседу до 11-го часа ночи» [25, с. 93–94].

Несомненно, среди этих «жаждавших слова Божия» была и послушница Елизавета. В «Автобиографии» она характеризует свое состояние этого времени как «искушение унынием до отчаяния в Бытии Божии» (VIII, с. 286). О впечатлении же, которое на нее произвела встреча с архимандритом Игнатием, пишет там же: «Я воскресла духом от вдохновенной беседы этого великого аскета священноинока и была им принята под руководство. Это был глубокий аскет и вместе опытный наставник внутреннего делания» (VIII, с. 286).

Духовное руководство архимандрита Игнатия помогло Е. Шаховой преодолеть глубокий душевный кризис. После знакомства будущий святитель занялся духовным образованием Елизаветы. «Он преподавал мне келейное правило, – пишет она в «Автобиографии», – предложил ознакомиться с учением древних святоотеческих творений и обещал доставлять мне книги по его выбору, необходимые для первоначального и последовательного чтения, и условился о переписке с ним, вполне искренней и свободной» (VIII, с. 286).

Помимо «опытного наставника внутреннего делания», молодая инокиня-поэтесса встретила в архиман-

дрите Игнатии собрата по перу. Духовное наставничество органично сочеталось с поддержкой литературного творчества послушницы Елизаветы. Сразу по приезде на место лечения в одном из первых писем в Сергиеву пустынь архимандрит Игнатий просит наместника переслать в Бородинский монастырь три экземпляра только что изданного своего очерка о Валаамском монастыре⁵: «...один г-же игумении, другой – двум ее келейницам... третий Елизавете Шаховой» (VII, с. 346). Он спешит подарить ей свое первое печатное сочинение, вызванное к жизни, по его собственным словам, «поэтическим вдохновением» (VII, с. 339)⁶, и тем самым поддержать художественные опыты Шаховой. В последующих письмах к наместнику он не раз спрашивался о выполнении своей просьбы.

Под влиянием посещения Бородинского монастыря архимандрит Игнатий пишет небольшое по объему глубоко эмоциональное стихотворение в прозе – «Воспоминание о Бородинском монастыре», текст которого перешлет в Петербург, а в очередном письме в Сергиеву пустынь вновь просит наместника выслать в Бородинский монастырь «брошюрку» после ее издания (VII, с. 372).

Получив в подарок «Воспоминание...», Елизавета увидела, что архимандрита Игнатия вдохновило на создание произведения ее стихотворение «Поле-море», написанное ею в 1846 г. на Бородинском поле:

«Широкое поле, глубокое море,
Безмолвно и мертво без влаги, без бурь;
Когда-то на этом зеленом просторе
Волнами бежала в струях не лазурь,

⁵ Валаамский монастырь. СПб.: Тип. К. Крайя, 1847. 27 с. (Подпись: И. И. И.).
То же. СПб.: Тип. К. Крайя, 1847. 40 с.

⁶ 12 июля 1847 г. (VII, с. 368).

Не отблеск небесного, ясного цвета,
Но кровь разнородных племен и людей!
О, поле кладбище! Гордыня полей!
Ты некогда было позорищем света!..» [23, л. 39 об.].

В ответ на стихи Шаховой архимандрит Игнатий писал в своем стихотворении в прозе: «Поэт! Ты прав; твой глаз постиг характер этого поля: ты нарек его «поле-море». Прочитав название новое, я не понял его, но когда пришлось мне взглянуть с высоты на Бородинское поле, – я тотчас увидел, что это поле – море. Оно обширно, как море; оно – все в переливающихся, отлогих холмах, как в волнах. Были на нем и другие волны: несметные полки воинов. Утекли эти волны; утекли десятки годов после битвы знаменитой; стоит уединенно на поле смиренная обитель инокинь, как пристань на море» (IV, с. 473). Несомненно, эта «брошюрка» стала для инокини неоценимой поддержкой в ее творчестве.

В январе 1848 г., незадолго до возвращения своего наставника из Бабаевского монастыря, Е. Шахова едет в Сергиеву пустынь с его сопроводительным письмом к наместнику: «Рекомендую тебе подательницу письма сего Елизавету Никитичну Шахову. Приласкай и утешь ее: мне этот человек понравился... Она – писательница. Нрава открытого и с умком. Арх. Игнатий» (VII, с. 375).

Очевидно, Елизавета пробыла в Сергиевой пустыни не меньше месяца, так как в февральском письме к наместнику архимандрит Игнатий делает приписку: «В моем шкафе лежит на полке книга пр<еосвященного> Иннокентия «Великий пост»⁷, потрудись передать

⁷ [Иннокентий (Борисов), архиепископ]. Великий пост, или Беседа на Св. Четырдесятницу. Харьков, 1847. 368 с. (Автор не указан).

То же: 2-е изд. Сочинение Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. СПб.: Тип. Морского кад. корпуса, 1850. [4]. II. 322 с.

Шахов<ой>. Нужна для соображения при предполагаемом стихотворении» (VII, с. 378).

Возвратившись после окончания лечения в Сергиеву пустынь, будущий святитель забрал послушницу из Бородинского монастыря и, как писала Шахова в «Автобиографии», поселил ее вместе с матерью на даче Сергиевой пустыни. В течение года архимандрит Игнатий занимался ее духовным образованием, активно приобщал поэтессу-послушницу к изучению святоотеческой литературы.

В это же время Шахова готовит к изданию четвертый сборник стихотворений. Первоначально Елизавета дала ему название «Мои мечты»⁸ – характерное как для романтического направления ее творчества, так и для духовного состояния самого автора. Мечта – неизменный атрибут высокой поэтической души в светской поэзии – может в духовной жизни оказаться соблазном, оборачивающимся пустотой.

Текстологический анализ титульного листа рукописи дает повод предположить, что будущий святитель во многом повлиял на формирование содержания сборника и придал ему новое направление, предложив автору изменить название на «Мирянка и отшельница».

Исходя из нового названия, сборник делился на две части: первую (большую) – «Мирянка» – составили стихотворения и поэмы, написанные в основном до поступления в монастырь, а во вторую часть – «Отшельница» – вошли 20 стихотворений периода монастырской жизни. В таком виде в начале 1849 г. книга увидела свет [26].

⁸ Тетрадь с автографами стихотворений, частично вошедших в сборник, хранится в фонде Е. Шаховой в Рукописном отделе Пушкинского Дома: РО ИРЛИ. Сигн. 3583. 83 л.

Критика встретила ее появление более чем сдержанно. Недовольство было направлено в основном на вторую часть сборника: «Муза г-жи Елизаветы Шаховой вся проникнута религиозным стремлением; она едва касается наших жалких, мелочных, земных интересов... О духовных стихотворениях г-жи Елизаветы Шаховой мы не будем распространяться. Содержание их слишком высоко, а выполнение большею частию далеко не соответствует содержанию», – писал рецензент [27, с. 29].

Автор рецензии в «Современнике» счел достойным внимания лишь одно стихотворение Шаховой – «Истужение»:

«Идите прочь от келии моей,
Мирские, сродники, и недруги и други,
Я излию души моей недуги
Наедине – с Самим Творцом людей!
Ни шороха шагов, ни голоса людского,
Ни скрипа у дверей не дайте слышать мне;
В смирении безмолвия святого,
Колена преклоня, в священной тишине,
Я улечу плоть, от веры и надежды,
И минет – для любви земная полоса...
Широкая пола святой моей одежды
Мне будет облаком к полету в небеса:
Я вознесусь, вне чувственного мира,
Усилием земного существа,
К чиноначалиям превыспренного клира,
До самого престола Божества!..» [27, с. 302].

Сборник «Мирянка и отшельница» стал последним в творчестве Е. Шаховой.

В конце того же 1849 г. архимандрит Игнатий передает Шахову «из полы в полу» под начало старицы

Августы (Козминой) в Старо-Ладожский монастырь. События монастырской жизни Е. Шаховой прикровенны для нас: в «Автобиографии» она только пишет, что в монастыре 14 лет «занималась чтением и списыванием с древних рукописей Св. Отцов». Мы можем констатировать в эти годы спад ее литературной деятельности. Очевидно, новое содержание жизни в монастыре требовало поиска иных форм самовыражения. Святитель Игнатий неоднократно в своих сочинениях и письмах подчеркивал необходимость разделять творчество светское, то есть водимое мудрованием и духом мира, «постоянно ниспадающее в свое *чувственное*, и святое духовное передувающее в свое *чувственное*», и творчество истинное, в котором душа «находит удовлетворение, пищу», то есть Слово Божие [28].

Более чем 10-летнему литературному молчанию поэтессы-послушницы имелись и внешние причины. Начиналось десятилетие, во время которого публикации произведений на религиозные темы искусственно приостанавливались цензурой. Так, с 1851 г. перестают печатать в журналах сочинения архимандрита Игнатия. Только в 1862 г. он, уже будучи святителем, возобновляет свои печатные выступления. Примерно в это же время – с 1860 г. – на журнальных страницах вновь появляется имя Е. Шаховой.

До самой своей смерти в 1867 г. святитель Игнатий не оставлял своего духовного и литературного водительства по отношению к послушнице Елизавете, которая в 1863 г. приняла монашеский постриг с именем Мария. Явным знаком его заботы было то, что на рубеже 1850–1860-х гг. он познакомил свою духовную дочь с другим монахом-поэтом – игуменом Антонием (Бочковым), и это

знакомство переросло в многолетнее плодотворное творческое общение [29, с. 313–433].

Святитель Игнатий разрешил в собственном творчестве противоречие между духовной аскезой и литературным даром, подчинив последний служению Слову Божию. По этому же пути он направлял и своих учеников – поэтов-монахов. Ярким примером подобного руководства является то судьбоносное влияние, которое его духовное водительство оказало на жизнь и творчество монахини Марии (Шаховой).

1. См. библиографию исследований по этой теме: Христианство и новая русская литература XVIII–XX веков: Библиографический указатель. 1800–2000 / Сост. А. П. Дмитриев, Л. В. Дмитриева; под ред. В. А. Котельникова / РАН ИРЛИ (Пушкинский Дом). СПб., 2002. 892 с. Среди изданий, публикующих исследования на эту тему последних лет, следует назвать продолжающуюся серию сборников статей: Христианство и русская литература. Сб. 1–6 / РАН ИРЛИ (Пушкинский Дом). СПб., 1994–2010.
2. *Бухаркин П. Е.* Православная Церковь и светская литература в Новое время: основные аспекты проблемы // Христианство и русская литература. Сб. 2. СПб., 1996.
3. См. наиболее полное издание переиздававшегося несколько раз прижизненного Собрания сочинений Святителя: Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова: [В 8 т.] / Сост., ред., авт. предисл. А. Н. Стрижев. М.: Паломник, 2001–2007. Т. I–VIII. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома римской цифрой.
4. *Геннадии Г. Н.* Краткие сведения о русских писателях и ученых, умерших в 1867 году: (Из Справочника о русских писателях и ученых, составляемого Г. Н. Геннадии) // Рус. Архив. 1869. №12. Стб. 1985–2017. Из содерж.: Игнатий (Брянчанинов). Стб. 2000–2001.

5. *Гумеров Ш. А.* Игнатий, в миру Брянчанинов Дмитрий Александрович // Русские писатели, 1800–1917: Биобиблиографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев / РАН ИРЛИ (Пушкинский Дом). М., 1992. Т. 2: Г–К.
6. *Свящ. Геннадий Беловолов.* «Поэтические опыты» аскета: Проза святителя Игнатия Кавказского // Святитель Игнатий Брянчанинов. Песнь под сенью креста. СПб., 2000.
7. См.: Дон-Кихот русского монашества: Жизнь и творчество игумена Антония (Бочкова; 1803–1872): исследования и материалы / Ред.-сост. иеродиакон Антоний (Козин), Е. М. Аксененко; отв. ред. О. Л. Фетисенко. СПб., 2009. 286 с.
8. См. также отд. издание: Стихотворения Святогорца, собранные после его смерти и посвященные любителям и благотворителям Св. горы Афонской и пользам русского монастыря Св. великомученика и целебника Пантелеимона. СПб., 1861.
9. *Игумен Марк (Лозинский).* Духовная жизнь мирянина и монаха по творениям и письмам епископа Игнатия (Брянчанинова): Автореф. дис. ... магистра богословия // Богословские труды. М., 1971. Сб. 6.
10. Книга святителя Тихона Задонского «Сокровище духовное, от мира собираемое», по мнению большинства исследователей, написана в 1777–1779 гг. Но, скорее всего, можно предположить, что в эти годы она была собрана святителем Тихоном из записей и воспоминаний или же собиралась постепенно параллельно с другими литературными трудами, потому что это произведение состоит из 157 небольших самостоятельных статей, представляющих собой размышления о предметах святой веры по поводу слов, изречений, предметов или каких-либо действий и явлений. В жизнеописании говорилось, что богомыслие было основой внутреннего делания святителя Тихона. Богомыслием он занимался постоянно, и поэтому «Сокровище духовное...» – это не формально составленные богословские статьи, а плод его молитвенных размышлений.
11. См. о нем: *Вацуро В. Э.* Норов Авраам Сергеевич // Русские писатели. 1800–1917. Т. 4. М., 1999. С. 359–361. См. также пу-

- бликацию писем святителя Игнатия к А. С. Норову, подготовленную А. М. Любомудровым (VI, с. 763–771).
12. См. о нем: *Шикин В. Н.* Башуцкий Александр Павлович // Русские писатели. 1800–1917. Т. 4. М., 1999. С. 359–361. См. также публикацию письма святителя Игнатия к А. П. Башуцкому, подготовленную А. М. Любомудровым (VI, с. 784–786).
 13. См. о ней предисловие к публикации писем святителя Игнатия к С. И. Снеессоревой, подготовленное Е. М. Аксененко (V, с. 487–511).
 14. См. о нем: *Рейтблат А. И.* Сенковский Осип Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Т. 4. М., 1999. С. 572–580. См. также о нем в сноске 13.
 15. *Шахова Е. Н.* Опыт в стихах пятнадцатилетней девицы. Писано в 1836 г. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1837. 23 с.
 16. *Шахова Е.* Стихотворения. СПб.: Тип. Имп. Российской академии, 1839. 2. 120 с.; *Шахова Е. Н.* Повести в стихах. СПб.: Тип. К. Вингебера и сына, 1842. 167 с.
 17. Стихотворения Елизаветы Шаховой // Современник. 1840. Т. 17. Отд. II. С. 65–66. (Авт. П. А. Плетнев).
 18. *Шахова Е. Н.* Видение девушки: [Стихотворение] // Библиотека для чтения. 1837. Т. 21. №4. Отд. V. С. 108–112.
 19. РО ИРЛИ. Сигн. 3570. Литературный альбом Елизаветы Шаховой относится к редким – «профессиональным» – в коллекции Пушкинского Дома. См.: *Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750–1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 3–56.
 20. Труды Императорской Российской академии: Ч. 1. СПб.: Тип. Имп. Российской академии, 1840.
 21. *Архиеп. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской).* О поэзии // Избранное. Петрозаводск, 1972.
 22. *Флоренский П. А., [свящ.].* Имена. СПб., 2007.
 23. РО ИРЛИ. Сигн. 3583.
 24. Автобиографический очерк писательницы Елизаветы Шаховой – монахини Марии (1822–1899). Публикация Е. М. Аксененко (VIII, с. 280–293).

25. *Шахова Е. Н.* Памятные записки о жизни игумении Марии, основательницы Спасо-Бородинского общежительного монастыря, в миру – Маргариты Михайловны Тучковой, урожденной Нарышкиной. СПб., 1865.
26. *Шахова Е.* Мирянка и отшельница. Стихотворения: В 2-х ч. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1849. 4. 346. IV с.
27. Мирянка и отшельница. Стихотворения Елизаветы Шаховой: В 2-х ч. СПб., 1849 // Современник. 1849. Т. 16. Отд. III. С. 28–32. [Рец.].
28. Переписка святителя Игнатия с игуменом Антонием (Бочковым). (Письмо от 16 дек. 1864) (IV, с. 552). Наиболее ярким произведением святителя Игнатия на эту тему является богословско-философский диалог «Христианский пастырь и христианин-художник», о котором см.: *А. М. Любомудров.* Святитель Игнатий и проблема творчества (IV, с. 513–522).
29. Об этом см. сноску 7. Часть обширной переписки, включающая поэтический диалог, опубликована: «...И дружба сохранит немногие листки» (Письма игумена Антония (Бочкова) к монахини Марии (Шаховой)) / Публ. Е. М. Аксененко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009.

*Л. И. Бронская
(Ставрополь)*

Идея святости в эпистолярном наследии святителя Игнатия Брянчанинова

Вспоминая сегодня имя святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского, мы вспоминаем о строгом ревнителе аскетической традиции, выдающемся ученом, подвижнике, архипастыре, миротворце, человеке высочайшей духовности и культуры.

Интерес к личности и бессмертным творениям епископа Игнатия не угасает и в наши дни. Святитель Игнатий Брянчанинов является лучшим духовным руководителем, лучшим примером того, как в жизненном водовороте человек может сохранить верность Христу, «возгревая постоянно в сердце своем огонь любви и преданности Богу».

Неоценимо значение сочинений святителя Игнатия – живого опыта деятельного подвижника, созидавшего свою духовную жизнь на основе Священного Писания и Предания Православной Церкви. Богословское наследие Святителя возвращается к современному читателю, пытающемуся обратиться к истокам святости.

Святость – важнейшее понятие православной метафизики и в то же время важнейшее понятие русской культуры. Философия и литература (а шире – искусство) изучали феномен человека на протяжении тысячелетий и в разных аспектах пытались определить его сущность. При этом человек распадался на множество частей, сторон, проекций, и его «целостность» сводилась лишь к

различному сочетанию структурных элементов. Немаловажное значение в этом смысле принадлежит опыту христианской антропологии, святоотеческому учению о природе человека, давшему уникальный пример его целостного постижения. Изучаемая христианским сознанием целостность человека есть его существенный признак, проявляющийся лишь в связи с Богом.

В трудах святых отцов содержался опыт психологического понимания сущности человека и практический опыт постижения аскезы и святости. «Мистическое ведение есть не только знание о Боге и божественном, но и обожение своего ума, поэтому мистическому познанию открываются те тайны Божии о Нем, о мире, о человеке, о начале и конце всего, каких никогда не познать богослову» (архимандрит Киприан (Керн)). «Энергийный» характер связи Бога и человека представлял собой субстанциональную основу мистико-аскетического мировоззрения и понимания сути земных и небесных вещей. Для аскезы важен живой Бог и живой человек, «непосредственная связь с Богом и миром. Труды святых отцов-аскетов, многообразные православные патерики и жития интересны как с точки зрения феноменологического описания телесно-духовно-душевных состояний переживания человеком себя, мира и Бога, так и в качестве модели самоописания религиозного опыта».

К сожалению, современный молодой человек лишен этого религиозного опыта, тем самым лишен возможности отрефлексировать собственные переживания себя, мира и Бога. Цель настоящей статьи – не столько объяснить плачевное состояние нравственности сегодня, сколько назвать те возможности выхода из тупика, кото-

рые сложились в русской духовной культуре на протяжении последних двух-трех столетий. В этой связи велика роль эпистолярного наследия святителя Игнатия Брянчанинова, особенно той его части, в которой Святитель обращается к мирянам. Здесь мы можем говорить о разработанной в его трудах системе духовно-нравственного воспитания, применимой и в наше время.

Духовно-нравственное воспитание человека – одна из главных проблем, которую в течение своей подвижнической жизни пытался разрешить святитель Игнатий. Речь идет не только о его богословских трудах или эпистолярном наследии, но и о его практической преподавательской деятельности. Его педагогическая деятельность осуществлялась во время управления монастырями, в духовно-просветительских трудах в Кавказской епархии, в организации работы по духовно-нравственному образованию юношества в Кавказской духовной семинарии и духовных училищах, их реформировании и непосредственном руководстве ими.

Последовательное изучение человека в его соотнесенности с божественной реальностью дает возможность Святителю раскрыть и конкретизировать понятие духовности и на этой основе определить цель воспитания, его принципы, содержание, методы и результаты. Цель воспитания заключается в духовно-нравственном совершенствовании человека. Принципы духовно-нравственного воспитания: духовно-антропологический, принцип евангельской обоснованности, приоритет духовного воспитания над обучением, личностный подход, послушание (как принцип ученичества и дисциплины духа), системность (целостность, последовательность), меры и правила. Содержание воспитания – сама

религиозная жизнь человека во всех ее компонентах или средствах: евангельские заповеди, таинства, молитва, пост, милосердие, жертвенность, сострадание и др. Методы воспитания: исполнение евангельских заповедей, молитва, пост и т.д. Результаты воспитания – морально-этические принципы, нормы и нравственные качества (добродетели): любовь, смирение, кротость, послушание, милосердие и т.п.

Приведем несколько примеров из писем к мирянам святителя Игнатия.

О религиозном состоянии общества того времени

«Скучные вести, приходящие в наш монастырь, о состоянии христианской веры в России, крайне неутешительны. С одной стороны – раскол, с другой – решительное отступничество. Общая безнравственность prepares отступничество в огромных размерах. Спасующийся да спасет свою душу! Нынешним подвижникам предоставлен путь скорбей, внешних и внутренних, как самый благонадежный» [1, с. 568].

Скорбные размышления об общем упадке нравственности в России середины XIX в., безусловно, применимы и к современному состоянию русского общества. Брожение умов, к сожалению, порождающее людей, подобных грибоедовскому Репетилу («Шумим, братец, шумим»). Ситуация отсутствия нравственной вертикали, когда все возможно, когда низменное и возвышенное не различаются. Именно в наше время горестные слова святителя Игнатия должны звучать отчетливо, доходить до каждого, будить в каждом потребность в святости. Реальное обращение человека к духовной жизни есть творчество и непрерывный процесс, в котором изначально согласованы бытие человеческое и бытие Божественное, две воли – человеческая и Божественная. Этот процесс

преображения жизни человека начинается с внутреннего нравственного самоопределения, с момента осознания своего подлинного положения в мире, с сыновнего отношения к Богу, с желания следовать воле Божией, выполнять Его заповеди. Об этом размышляет святитель Игнатий в другом письме.

Мы – странники. Черты лица забываются, душа нет. О терпении

«Я сотворен, чтоб любить души человеческие, чтоб любоваться душами человеческими! Зато и они предо мной – какими Ангелами! – предстают взорам сердца моего так пленительно, так утешительно! Вот зрелище, картина, на которую гляжу, заглядываюсь, снова гляжу, не могу наглядеться. И странно! Лицо, форму, черты тотчас забываю, душу помню. Много душ, прекрасных душ, на моей картине, которую написала любовь, которую верная память хранит в целости, в живости колорита. Этот колорит от уединения делается еще яснее, еще ярче» [1, с. 237].

В другом своем письме святитель Игнатий предостерегает: не каждый духовный опыт является спасительным и необходимым для человека. Церковь, семья и школа – основные сферы бытия человека. Эти сферы бытия взаимосвязаны. Дух Церкви пронизывает семейную жизнь православного человека и способствует его нравственному самоопределению. Школа, влияя на мировоззрение человека, может способствовать духовному совершенствованию личности, если дух школы есть дух истины и правды, а может быть источником конфликтов, как внутренних, так и внешних, если школа пытается неквалифицированно вторгаться в область духовного бытия. Это часто происходит из-за желания школы кроме

знаний и социокультурного опыта дать учащимся и опыт духовный. В неумелых руках даже самые благие намерения не осуществляются.

Об «удалении» христианства из общества

«Необходима преданность воле Божией в самых попу- щениях Божиих. Очевидно, что христианство – этот таин- ственный духовный дар человекам – удаляется неприметным образом для не внимающих своему спасению из общества че- ловеческого, пренебрегшего этим даром. Надо увидеть это, чтобы не быть обманутым актерами благочестия; увидев, надо отвести взоры от грустного зрелища, чтобы не под- вергнуться пороку осуждения ближних, надо обратить взоры на самих себя, позаботиться о собственном спасении, то есть милость Божия дарует еще возможность спастись тем, кото- рые производят спастись» [1, с. 567].

Сознавая внешние и внутренние трудности своего времени, епископ Игнатий из опыта собственной жизни видел, что при почти полном оскудении духоносных на- ставников единственными руководителями в духовной жизни для христиан остаются на все времена творения святых отцов.

О неуклонном следовании учению святых отцов

«Сердцем веруется в правду, – сказал Апостол, – усты же исповедуется во спасение. Нужно исповедование правды устами и, когда можно, самыми делами. Правда, исповеданная словами и делами, как бы осуществляется, делается принад- лежностью человека. И потому она существенна – она верный залог спасения» [1, с. 319].

Вся земная жизнь христианина, по справедливому замечанию епископа Игнатия, должна быть школой при- готовления к вечности. Для преуспевания в любой науке

нужно хорошо изучать ее, в противном случае наука останется для каждого человека недоступной. Вечность видимо отдалается для каждого человека в бесконечную даль, если он не рассматривает, не изучает ее, не готовится к ней.

Любовь к Богу и людям

«Преподобный авва Дорофей, говоря о любви к ближнему, уподобляет подвижников Христовых линиям, идущим от окружности круга к его центру... Линии, чем ближе приходят к центру, тем становятся ближе одна к другой. И подвижники Христовы, чем ближе приближаются к Богу, тем становятся ближе друг к другу истинною любовью. Всякий путь ума и сердца, когда цель его – Бог, бесконечен. Страх Божий чист, пребывает в веке века; преуспяние в премудрости Божией – бесконечно! Преуспяние в любви к ближнему, когда оно в Боге, – бесконечно. Мало земной жизни на совершение этого духовного пути! Невозможно довольно насытиться любовью к ближнему в Боге!» [1, с. 312].

В завершение своих заметок о высоком значении епистолярного наследия святителя Игнатия Брянчанинова считаю целесообразным привести еще один отрывок из его письма:

О наблюдении за своими мыслями

«Часто беседую с вами в Истине. Мне хочется, чтобы вы поняли, как важно наблюдение за своим образом мыслей, за своим разумом. Человек непременно водится своим образом мыслей: это – свет наш. С большою тщательностью надо бдеть за светом нашим, чтоб он не сделался тьмою, светом лживым, показывающим предметы не на их местах, не в их виде, одни вместо других. «Блюди убо, еда свет, иже в тебе, тма есть» (Лк. 11, 35). Надо, чтоб наш образ мыслей был проникнут Истиною. Кроме Христа, не понимаю и не знаю дру-

гой Истины. И слепцы ли те, кто бы они ни были, которые в то время, когда предстанет им Христос в страшном величии смирения, вопрошают: что есть Истина? – Вникните глубоко в слова мои! Прошу вас! Умоляю вас для вашего же спасения».

-
1. *Святитель Игнатий Брянчанинов. Письма о подвижнической жизни / Под ред. А. М. Мосина. Минск: Свято-Елисаветинский монастырь, 2004.*

*Е. Н. Елагина
(Ставрополь)*

Род Брянчаниновых в истории Ставрополья

По легенде, зафиксированной в житии свяителя Игнатия, основателем рода Брянчаниновых был оруженосец великого князя Московского Дмитрия Донского боярин Михаил Андреевич Бренко, героически погибший в битве с татарами на Куликовом поле. Однако эта версия, несмотря на свою красоту, имеет ряд очевидных исторических, ономастических и смысловых натяжек.

Согласно иной версии, фамилию свою Брянчаниновы получили от прозвища «брянчанин», то есть выходец из Брянска. Данная точка зрения представляется более реальной, но и она нуждается в подкреплении конкретными исторически выверенными фактами о первых представителях этого славного рода.

Тем не менее Брянчаниновы имели дворянский титул, сумев доказать свое благородное происхождение до 1625 г., были занесены в Дворянскую родословную книгу, в шестую ее часть. Многие из рода Брянчаниновых оставили яркий след в истории России.

Особую славу роду принес Дмитрий Александрович Брянчанинов, вошедший в историю Русской Православной Церкви как епископ Кавказский и Черноморский Игнатий (1957–1961 гг.). Помимо него в прошлом Ставрополья и Кавказа значатся еще несколько представителей этой славной фамилии.

**Брянчанинов Сергей Афанасьевич –
генерал-майор (с 1788 г.), Кавказский наместник
(1789–1792 гг.)**

Кавказское наместничество – особый орган административно-территориального управления в Российской империи. Территория наместничества называлась Кавказским краем. Она охватывала степи между нижними течениями Волги и Дона и часть Северного Кавказа до Кубани и Терека. Первоначально (5 мая 1785 г. – 31 декабря 1796 г.) Кавказское наместничество состояло из Астраханской и Кавказской губерний. Ставка наместника Кавказа располагалась в Екатеринограде. Сергей Афанасьевич перевел присутственные места губернии из Екатеринодара в Астрахань.

Глава наместничества, наместник Его Величества на Кавказе, назначался императором и подчинялся непосредственно ему. Он обладал широкими полномочиями и имел право решать все вопросы, которые не требовали издания новых законов. Ему принадлежали все права по определению к службе, перемещению и увольнению чиновников, их ответственности, производству в чины, награждению, назначению им пенсий (за исключением чинов Государственного контроля, Государственного банка и Судебного ведомства). В чрезвычайных обстоятельствах он мог отменять постановления губернских и областных лиц Кавказского края.

В силу своих полномочий и обязанностей Сергей Афанасьевич Брянчанинов вел работу по установлению контактов с горскими народами, добивался у правительства разрешения для жителей Кизляра вести торговлю как в пределах, так и за пределами Кавказской губернии.

Он предотвратил недовольство калмыков, сместив с занимаемой должности пристава, обвиняемого в злоупотреблении своими полномочиями.

В распоряжении Брянчанинова находились воинские формирования наместничества. Одной из главных его забот было обеспечение защиты населения городков и поселений Астраханской губернии и Кавказского края от набегов кочевников киргиз-кайсаков с одной стороны и кубанцев – с другой, пресечение разбоя на Волге, установление воинской кордонной стражи от Астрахани до Саратова.

По Указу императрицы от 6 марта 1792 г. генерал-майор С. А. Брянчанинов, правитель Кавказского наместничества, был переведен «отправлять ту же должность в Орловском наместничестве».

**Епископ Кавказский и Черноморский Игнатий
(Брянчанинов Дмитрий Александрович,
1807–1867 гг.)**

В Ставрополь владыка Игнатий прибыл 4 января 1858 г. и столкнулся с целым рядом духовных и материальных проблем. Малочисленность церковных приходов Черномории и Ставрополя неблагоприятным образом сказывалась на деятельности епархиальных учреждений, состоянии духовного образования и миссионерской работе. Исторически на Северном Кавказе в казачьей среде были сильны позиции старообрядчества. В решении этого вопроса Владыка не смог ничего принципиально изменить. Близилась к завершению Кавказская война, и командование Кавказской армией не было заинтересовано в возбуждении недовольства среди линейных каза-

ков-старообрядцев. Материальные сложности, связанные с содержанием Кавказского архиерейского дома, были решены при содействии Кавказского наместника князя А. И. Барятинского.

Здесь уместно было бы остановиться на вопросе о месте архиерейского дома в Ставрополе. В краеведческой литературе высказывается точка зрения о том, что Святитель жил на старом архиерейском подворье, которое со времен первого Кавказского епископа Иеремии находилось рядом с Крестовоздвиженской церковью. Однако эта точка зрения вызывает сомнения, так как на момент приезда подворье пришло в упадок и Святитель полгода жил на квартире, безвозмездно предоставленной горожанином Стасенковым. В письме игумену Дамаскину Игнатий так пишет о своих жилищных условиях: «О себе скажу Вам, что проживаю по милости Божией довольно благополучно. Епархия новая. Ничего еще нет. И Архиерей, и Консистория, и Семинария странствуют по квартирам. Домик себе строю деревянный, весьма небольшой и весьма удобный, при церкви; из комнат в церковь ход; перед церковью комната, именуемая моленною, с окошечком в церковь; можно Архиерею слушать все службы в моленной, отворив окошечко. Церковь с домиком моим находится посреди большого сада, в коем множество фруктовых деревьев, вдали от шума и весьма напоминает Оптин скит. Здесь нет у жителей обычая посещать Архиерея иначе, как в великие праздники утром для поздравления: почему я пользуюсь таким уединением, какого не имел в Сергиевой Пустыни» [1, с. 477]. *Письмо написано 21 июля 1858 г.*

«Мой архиерейский дом очень похож на скит; кругом в садах и розах. Вид из моего кабинета несколько

напоминает вид на гору за губою из окон тех келий Валаамского монастыря, в которых я останавливался. Живу уединенно, и должен благодарить милосердного Господа за бесчисленные милости, на меня излианные» [1, с. 485].
Письмо написано 19 июля 1861 г.

Описание места расположения архиерейского дома, приведенное самим Святителем, соответствует расположению Андреевской церкви. В середине XIX в. этот район был окраиной города и именовался Воробьевкой.

За время пребывания на Кавказской кафедре Преподобный Игнатий сумел снискать любовь паствы и епархиального духовенства. В первый год своего пребывания в Кавказскую епархию владыка Игнатий посетил Пятигорск, Кизляр и Моздок. В Пятигорске он совершил освящение грота Большого Провала.

Предметом особых забот епископа Игнатия было благосостояние духовной семинарии и духовного училища. Большое деятельное внимание Владыка уделял строительству храмов. Благодаря его заботам в 1859–1860 гг. у Казанского кафедрального собора по проекту архитектора Вознесенского была сооружена грандиозная колокольня с огромным колоколом, весившим 523 пуда. Памятником архипастырской деятельности святителя Игнатия на Северном Кавказе стал замечательный храм в селе Новоигорьевском, который Владыка спроектировал вместе с губернским архитектором Воскресенским.

В 1859 г. епископ Игнатий совершил торжественное открытие в Ставрополе Иоанно-Мариинского женского монастыря, основанного его предшественником Преподобным Иеремией (Соловьевым).

Время управления епископа Игнатия представляет значительный интерес еще и потому, что в этот период в жизни Северного Кавказа произошли важные исторические события. В 1859 г. с капитуляцией имама Шамиля закончилась многолетняя Кавказская война. В 1860 г. к Ставропольской губернии был присоединен Больше-Дербетовский улус, населенный калмыками, традиционно исповедующими буддизм.

Эти и другие события поставили перед епархией ряд новых задач по активизации миссионерской работы, усилению подготовки кадров образованного духовенства для вновь учреждаемых приходов и церковному строительству в десятках новых станиц. Однако в это время здоровье владыки Игнатия серьезно ухудшилось, что заставило его просить царя Александра II об освобождении от управления Кавказской епархией.

В августе 1861 г. Святитель покидает Ставрополь и отправляется на покой в Николо-Бабаевский монастырь Костромской епархии, где проводит остаток своей жизни.

**Брянчанинов Петр Александрович
(1809–1891 гг.) – генерал-майор,
гражданский губернатор
Ставропольской губернии (1860–1862 гг.)**

Петр Александрович – второй сын в семье Брянчаниновых, может быть, самый близкий по духу святителю Игнатию. Он окончил Главное инженерное училище и в 1827 г. был направлен полевым инженером в 7-й инженерный батальон. Служил на Кавказе, где за боевые заслуги получил звание подпоручика, а через год и поручика. Благодаря протекции брата, архимандрита Игнатия

Брянчанинова, 23 ноября 1834 года был назначен штабс-капитаном в Бородинский полк с назначением адъютантом к генералу Н. Н. Муравьеву. Служебная карьера Петра Александровича складывалась удачно. Он дослужился до звания полковника и в 1848 г. подал в отставку. В 1852 г. был назначен Костромским вице-губернатором, затем Ставропольским вице-губернатором (1857–1860 гг.), а с 1860 по 1862 гг. являлся гражданским губернатором Ставропольской губернии.

В пору его губернаторства был открыт Ставропольский губернский статистический комитет, который не только собирал статистические сведения, но и вел научные исследования по истории, этнографии, промышленности, сельскому хозяйству, занимался топографией, изучал климатические особенности всей Ставропольской губернии. Метеорологические наблюдения по поручению статистического комитета вели госпиталя и аптеки губернских городов (видимо, там имелись измерительные приборы). «Особенно уделял внимание делам в училище Св. Александры, следил за качеством и ходом обучения. Ввел строгий учет всех поступающих средств и их расход. При нем воспитательницы стали получать жалование» [2, с. 221].

По поручению Кавказского наместника князя А. И. Барятинского Петр Александрович Брянчанинов изучил ситуацию на Кавказских Минеральных Водах и предложил ряд мероприятий по организации курортов. В целях ознакомления с работой лучших европейских учреждений бальнеологического профиля он предложил посылать местных врачей за границу.

В 1862 г. Петр Александрович Брянчанинов уходит в отставку и поступает послушником в Николо-Бабаев-

ский монастырь, где находился на покое его брат, епископ Игнатий. Там Петр прожил почти тридцать лет, а перед кончиной принял иноческий постриг с именем Павел.

Брянчанинов Владимир Николаевич (1875–1963 гг.)

Владимир Николаевич родился 15 сентября 1875 г. в семье Николая Семеновича Брянчанинова, ставшего одним из наиболее успешных рязанских губернаторов. Владимир Николаевич с 1912 по 1914 гг. занимал пост вице-губернатора Архангельской области, с 1915 по 1917 гг. – губернатора Радомской губернии (царство Польское). Был женат на дочери действительного статского советника Софье Алексеевне Татищевой и в этом браке имел двух дочерей – Наталью и Екатерину.

Во время Гражданской войны, в тот период, когда Ставропольская губерния находилась во власти Добровольческой армии, занимал здесь пост гражданского вице-губернатора (1918–1919 гг.). После поражения Белого движения был вынужден эмигрировать за границу.

Владимир Николаевич Брянчанинов скончался 11 августа 1963 г. во Франции и был похоронен на кладбище города Монморанси. В 2006 г. прах Владимира Николаевича перезахоронили на родовом кладбище в селе Покровском по инициативе его внучки Татьяны Александровны Ватсон, воплотившей в жизнь завещание деда – похоронить его в родовом имении.

Таким образом, на основе имеющихся архивных сведений можно говорить о четырех представителях древнего рода Брянчаниновых, вписавших славные страницы в историю Ставрополя. Однако исследования в данном направлении могут подтвердить причастность

еще нескольких носителей этой фамилии к прошлому Северного Кавказа.

-
1. Переписка святителя Игнатия с игуменом Дамаскиным // Полное собрание творений: В 8 т. / Сост. А. Н. Стрижев. Т. 3. М.: Паломник, 2001–2007. 608 с.
 2. *Несмачная С. И.* История Кавказа в лицах: Биографический словарь. Ставрополь: Пресса, 2001. 297 с.

*Протоиерей Михаил Моздор
(Ставрополь)*

Некоторые аспекты архипастырского служения святителя Игнатия Брянчанинова на Кавказе

В сонме святых Русской Православной Церкви, к которым мы не только обращаемся за предстательством, но и чьим примером также стремимся руководствоваться в жизни, святитель Игнатий Брянчанинов занимает особое место. Для своего времени это был необычный монах и нетипичный архиерей. Он происходил из древнего дворянского рода и воспитывался в образцовом помещицьем владении Вологодской губернии, где в условиях северных широт успешно велось земледелие. Образование он получил в военном инженерном училище Санкт-Петербурга.

В период обучения будущий епископ был вхож в самые изысканные круги столичного великосветского общества. Впоследствии всех удивляла его способность вести монастырское хозяйство и взглядом инженера мудро предвидеть будущий архитектурный облик вверенной ему Троице-Сергиевой пустыни, которая на глазах преображалась под его руководством. Он был редким знатоком святоотеческой литературы и аскетических подвигов древних отшельников. Вместе с тем современники видели под его монашеской рясой стройную выправку бывшего офицера и безукоризненную

опрятность. Такое непривычное сочетание деталей биографии и внешнего облика очевидцы оценивали по-разному. Управляющий имением наместника Кавказа князя А. И. Барятинского, Инсарский, с недоумением отмечая некий внешний лоск и глубокую приверженность самого Святителя и его братьев к православной аскетике, объясняет этот факт неким родовым влечением Брянчаниновых к монашеству.

Даже став епископом, святитель Игнатий по-прежнему оставался необычной личностью на фоне своих собратьев-архипастырей. Практически все архиереи Русской Церкви – воспитанники духовных академий. «Я воспитанник монастыря», – отмечал Преосвященный.

Святитель Игнатий Брянчанинов – личность многогранная. С большой пользой для себя мы можем рассматривать его образ как аскета, монаха, духовного пастыря, поэта, администратора и хозяйственника. Его мнение может служить нам неоценимым ориентиром в суждениях о церковном пении, архитектуре и живописи XIX в. Особая тема – его епископское служение. Епископ, как известно, – это блюститель Церкви Христовой. Но и здесь мы видим многоплановую деятельность владыки Игнатия.

Масштабность деяний Святителя, огромное значение его творений стали открываться широким кругам православных людей спустя десятилетия после его кончины. Однако многие современники, которые соприкасались с ним всего несколько раз в своей жизни, видели в нем одаренного врача недугов человеческих, облеченного апостольской благодатью. Основные черты воспитательного аспекта архипастырской деятельности владыки Игнатия хотелось бы обозначить.

В годы своей молодости сам Святитель прошел строгую, в отдельных эпизодах суровую школу монастырского послушания. Поэтому в своей практике владыка Игнатий с большим вниманием и рассудительностью применял воспитательные меры в соответствии с качествами исправляемого. В период своего архипастырского служения епископ Игнатий уделял достойное внимание воспитанию учащихся семинарии. Так, в Книге поведения, где Правление семинарии на заседании 15 марта 1858 г. внесло постановление об объявлении признательности Правления (при общем собрании воспитанников) лучшим ученикам, значится резолюция Преосвященного: «...Желая знать, кто именно из воспитанников заслуживает внимание своего начальства особенным благонаравием, предлагаю семинарскому Правлению впредь означать сих воспитанников поименно в журнальной статье. Игнатий, епископ К. и Ч.» [1, с. 234].

При употреблении к нарушителям дисциплины обычных для того времени мер (от выговора до содержания в изолированном помещении на хлебе и воде) Святитель особое внимание уделял именно выговору. Эта мера, по мнению Преосвященного, «имеет самое спасительное действие», когда применяющий ее энергично выставляет черную сторону порока и его пагубные последствия перед впавшим в порок, выражая вместе с тем «искреннее чувство сожаления и благожелания к самому воспитаннику». При этом он подчеркивал, что «высокий, благородный характер воспитателя – главнейшая узда <...> для воспитанников». «Благочестивый и благонамеренный воспитатель, – писал Владыка наставникам семинарии, – должен положить себе за правило не при-

бегать в час своего гнева ни к выговору, ни к наказанию. Час гнева есть час безумия для всякого разгневавшегося, хотя бы разгневавшийся принадлежал к первейшим мудрецам» [2, лл. 4, 4 об., 5].

В целом предписания святителя Игнатия «ограничивали меры наказания, бывшие в обычаях <...> того времени». Мудрый Архипастырь желал, чтобы воспитатели обращали больше внимания на нравственную сторону взысканий, развивая в детях и юношах совесть как более гарантирующую их доброе поведение, и тщательно обсуждали справедливость наказаний, соизмеряя их с виновностью; чтобы сами наказания эти были разумно-человеческие, без увлечения и горячности.

Вместе с тем епископ Игнатий призывал наставников не оставлять без внимания ожесточение и упорство тех, кто подвергался исправительным мерам [3, с. 746].

Преосвященный Игнатий, сталкиваясь со случаями нравственных проступков клира, не стремился наказывать провинившихся переводом на другой приход, отчего обычно только шире распространяется соблазн среди прихожан епархии. Напротив, Владыка собирал таковых вокруг себя, в архиерейском доме, для совершения богослужений, несения клиросных и других послушаний.

Исправляя таковых со вниманием и великодушием, Святитель всячески стремился, чтобы это исправление не коснулось тяжелым бременем семей, оставшихся на время без кормильца. Только за вторую половину 1858 г. на исправлении в Кавказском архиерейском доме побывало 9 клириков епархии. Назначения эти производились ввиду «нетрезвой жизни» или «нанесения обид» сослужащей братии и прихожанам,

а иногда «для усмотрения образа служения», по подозрению благочинного.

Сроки послушания, назначенные обычно в течение одного-трех месяцев, как правило, сокращались. Так, на прошениях диакона Константина Салафильева и пономаря Якова Чупрыны с просьбами отпустить их к семьям в связи с приближающимся праздником Рождества Христова, стоят резолюции Преосвященного: «Во внимание к смирению просителя срок епитимий сократить» и просто: «Прощение удовлетворить». Часто эконом архиерейского дома, иеромонах Иустин, ходатайствовал о смягчении епитимий, о позволении священнодействовать вместо несения клиросного послушания или же вообще присоединялся к просьбам о прекращении исправительного срока [4, л. 119].

Отмечая характерные черты кавказского духовенства, епископ Игнатий особым образом подчеркивал радушие, гостеприимство и открытость пастырей. «Между священниками много отличного достоинства людей», – писал он.

Отмечая нравственные пороки в своей епархии и подбирая эффективные способы исправления, Святитель стремился понять причины, толкнувшие человека на путь неправды.

К моменту вступления епископа Игнатия на кафедру многочисленные жалобы приходских священников на чиновников Кавказской духовной консистории распространили негативную молву далеко за пределы епархии. Причину возникших конфликтов правящий епископ увидел в нищенском окладе сотрудников консистории.

«Этот оклад был причиной значительных беспорядков, вторгнувшихся в Кавказское епархиальное управление: он вынудил многих членов управления прибегать к злоупотреблениям для доставления себе куска хлеба. Так как за чертою, проведенною законом, лежит беспредельное пространство зла, то некоторые перешли от стремления удовлетворить необходимому к стремлению обогатиться.

Этот оклад не допускал и не допускает ни одного достойного чиновника к служению в консисторской канцелярии: там служат только те чиновники, которые по насилью обстоятельств не могут служить в другом месте. Таким образом, Кавказское епархиальное ведомство, предоставленное самому себе и нищете своей, во многих случаях послужило не назиданием, а соблазном для кавказской паствы», – отмечал Святитель [5, с. 44].

Предпринимая все возможные меры для решения данной проблемы, епископ Игнатий распорядился выплатить значительную сумму из личных средств в качестве единовременного денежного пособия чиновникам консистории.

В дальнейшем в качестве профилактической меры, предупреждающей снижение качества труда, Владыка сам заботился о достойном содержании сотрудников. Этот метод деятельности Святителя ярко проявился в деле преподавателя осетинского языка Кавказской семинарии священника И. Синанова...

Наиболее сложной, растянутой во времени заботой для кавказских епископов оставалась проблема старообрядческого раскола. Анализируя специфику мер, направленных на преодоление раскола, владыка Игнатий отме-

чает слабые стороны и обосновывает собственные методы. Желая вести диалог с раскольниками, по его мнению, «должен быть вполне чужд тщеславия и вражды к ближнему, чтобы не выразить их... насмешкой или колким словом». «Стремись исцелить рану ближнего словами любви и смирения, – призывал Святитель, – да дарует тебе Господь великий дар Свой – спасение ближнего твоего» [6, с. 244].

В станицах Терского войска при содействии командира Горского полка барона Розена епископ Игнатий сам проводил беседы с казаками-старообрядцами. Между собеседниками установилось взаимопонимание и доверительные отношения. Однако горький опыт прежних обид и непонимания в итоге брал верх. «...Завтра на твое место станет другой, который нам говорить не будет так, как ты, да и слушать нас не захочет», – говорили казаки Владыке.

Сегодня мы можем отмечать характерные особенности методов воспитания и убеждения, примененных на практике епископом Игнатием. Психологи и педагоги могут высказывать свое суждение о соответствии или несоответствии его методов нормам современной науки. Но чтобы правильно понять Святителя, необходимо помнить, что сам он главным критерием правильности своей позиции считал ее соответствие учению Нового Завета. Основатель Церкви Господь Иисус Христос заповедовал старшему быть всем слугой (Мф. 20, 26), святой апостол Павел призывал исправлять впавшего в некое прегрешение «духом кротости» (Гал. 6, 1). Рассматривая деятельность Преосвященного Игнатия с этой точки зрения, мы увидим, что на фоне сменяющихся научных концепций его позиция остается непоколебимой, потому что основана на твердом камне Слова Божия.

Поборником Православия, усердным делателем покаяния и молитвы, украшением архиереев, славой и похвалой монашества именуется святителя Игнатия православная гимнография. Его аскетические творения получили признание во всем православном мире, однако не менее назидательной является его практическая деятельность.

-
1. *Соколов Л. А.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. Киев, 1915.
 2. ГАСК. Ф. 91. Оп. 928. Д. 39.
 3. *Воскресенский А.* Преосвященный Игнатий Брянчанинов // Ставропольские епархиальные ведомости. 1908. №23.
 4. ГАСК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 293. Л. 119.
 5. Вопрос начальника Кавказской линии и ответ епископа о Кавказской кафедре по отношениям ее к Кавказскому линейному казачьему войску // К Свету. 1994. №11–12.
 6. Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. М., 2002.

*Протоиерей Максим Хижий
(Гусь-Хрустальный)*

Святитель Игнатий Брянчанинов в секретной переписке III Отделения с Обер-прокурором Святейшего Синода

В фонде Канцелярии Обер-прокурора Святейшего Синода находится дело «О командировке архимандрита Игнатия по делу о крестьянах помещика Страхова» [2]. Источник представляет собой секретную переписку знаменитого III Отделения Канцелярии Его Императорского Величества с Обер-прокуратурой, в связи с доносами высокопоставленных лиц на деятельность архимандрита в Высочайшей комиссии, учрежденной по поводу насилий над крепостными, учиненных дворянином Новгородской губернии Страховым. В этой Комиссии Брянчанинов был депутатом от духовного сословия.

Вкратце суть дела такова: в одном из сел, входящих в имение означенного помещика, приходской священник узнает на воскресной службе о том, что практически все девушки – крепостные крестьянки, включая малолетних, подверглись насилию со стороны барина (подробно историю о расследовании дела помещика Страхова см.: [3, с. 138–144]). Леденящая ужасом подробностей история с доведением жертв до самоубийства, одновременным растлением сестер, надругательством над девушками после их Причастия Великим постом предстает со страниц следственного дела. В своей объяснительной записке архимандрит Игнатий восклицает, что «разврат Страхова – какой-то неестественный!» [2, л. 15].

Будущий Святитель Церкви надолго попадет в категорию неблагонадежных. Неслучайно в одном из его писем мы находим прозрачный намек на слежку. «В письмах, идущих по почте, не забываю вставлять слова для политики, принужден кое-что умалчивать из опасения косо́й ревизии», – пишет архимандрит Игнатий друзьям [1, с. 87]. Открытие архивных фондов подтверждает предчувствия Святителя тп о том, что в определенных кругах его честную, беспристрастную позицию пытались отождествить с политической неблагонадежностью. Несмотря на то что архимандрит Игнатий принадлежал к духовному сословию, он по рождению был выходцем из известной дворянской фамилии. Вероятно, светские власти ожидали от него более мягкой позиции в деле помещика Страхова, рассчитывая на корпоративную солидарность дворянина.

Несмотря на политический донос в жандармерию и неверно расставленные акценты, полагаем, что святитель Игнатий мог рассчитывать на некоторую поддержку и понимание со стороны императорской семьи и лично государя Николая I. О своих теплых чувствах к покойному царю он напишет позднее в личном письме его сыну Александру II: «То милостивейшее внимание, которого меня удостаивали Ваши Августейшие родители, называя меня своим воспитанником, внушает и дозволяет мне обратиться к Вашему Величеству с всеподданнейшей просьбою об увольнении на покой по причине болезни». Святитель нисколько не преувеличил. Известно, что право перейти в духовное сословие ему было предоставлено лично государем, который внимательно следил за успехами своего воспитанника. Что же касается антикрепостни-

ческих настроений Преосвященного, то они были весьма умеренными и не представляли никакой опасности для режима. Так, в годы Великой реформы он справедливо отмечает, что оскудение помещиков негативно отразилось на всем новом строе русской жизни [1, с. 710].

Публикуемые ниже архивные документы позволяют нам ощутить сложную атмосферу, в которой осуществлял свое служение Богу, Церкви и народу святитель Игнатий Брянчанинов.

-
1. *Игнатий Брянчанинов, святитель*. Письма к разным лицам. Вып. II. СПб., 1993.
 2. О командировке архимандрита Игнатия по делу о крестьянах помещика Страхова // РГИА. Ф. 797. Оп. 22. Д. 240.
 3. *Хижий М., протоиерей*. Новые материалы к жизнеописанию святителя Игнатия Брянчанинова // Альфа и Омега. М., 2005. №2 (43).

**«О командировке
архимандрита Игнатия по делу
о крестьянах помещика Страхова»**

(Публикация архивных документов из Фонда
Канцелярии Обер-прокурора Святейшего Синода:
РГИА. Ф. 797. Оп. 22. Д. 240)

Секретно

**Письмо Обер-прокурору Св. Синода
Графу Н. А. Протасову**

Милостивый государь,
Граф Николай Александрович!

Извините, что о приезде моем в Устюжну до сих пор я ничего не писал к Вашему Сиятельству. Занятия членов комиссии и мои были кабинетные, приуготовительные, в многотрудной письменной деятельности, и лишённые деятельности наружной: возложенная на меня обязанность «переследовать» делала необходимыми обязательный пересмотр всех, в течение пяти лет составленных делопроизводств и выписку из оных, которая, чтобы быть ясною, должна иметь достоинства полноты и отчетливости.

Положительные сведения, приобретаемые разведыванием и собранные формальным следствием, доказывают, что жалобы крестьян г. Страхова имеют свою причину в его поведении. Он не умел воспользоваться снисхождением к нему двух комиссий и привел ныне крестьян своих в такое состояние горя и отчаяния, в каком они доселе еще никогда не находились. Ка-

жется, само Провидение внушило Правительству нарядить новую комиссию для отвращения трагической развязки, которой должна бы кончиться эта печальная и продолжительная драма. Теперь крестьяне с нетерпением ожидают прибытия комиссии в их деревни, чтоб перед нею излить свои жалобы, а между тем взяли за способ действия, самый умный. Проученные первою комиссиею, которая хватала и садила в острог всякого дерзавшего открыть рот о ужасных действиях Страхова, они теперь держат себя чрезвычайно спокойно, работы исправляют с особенною тщательностию и послушанием, чтоб не дать места никакой придирке. Но из среды этой тишины вырываются от времени до времени отзывы, выражающие их душевное расстройство. Генерал Игнатьев видит это состояние их и решается, как он сам говорит, писать к Новгородскому Губернатору о взятии имения г. Страхова в опеку. Если эта мера не будет принята, то очень может быть, что крестьяне, выведенные из терпения поведением г. Страхова и потеряв всякую защиту и правосудие Правительства, решатся на самоуправство. Эти сведения имею из верных источников. Даже здешний исправник, посетивший дня два тому назад деревни, под предлогом другого дела, вывел из своих наблюдений и сообщил мне такое заключение о духе и настроении крестьян. Разврат Страхова – какой-то неестественный! Например: он растлил три пары родных сестер, и попеременно, а может быть, в одно время имел с ними связь. Сколько можно заключать по ходу дела, то оно кончится не ранее как в исходе августа. Около этого времени надеюсь увидеть Вас; а между тем с чувства-

ми искреннейшей преданности и отличного уважения имею честь быть Вашего Сиятельства покорнейший слуга и богомолец.

Архимандрит Игнатий.

1852 г. Июля 26 дня. Устюжна-Железнокольная.

**III Отделения собственной Его Императорского
Величества Канцелярии Экспедиция 4,
Санкт-Петербург**

2 августа 1852 г.

№2975

Секретно

(Графу Н. А. Протасову)

Милостивый государь,

Граф Николай Александрович!

Из Новгорода получено мною совершенно частным образом – сведения, будто бы командированный в Устюжский уезд, в качестве Депутата при переследовании дела о крестьянах помещика Страхова, архимандрит Игнатий, по приезде на место следствия прежде других членов комиссии, посещал некоторых жителей и открыто говорил, что он прислан переделать это следствие в пользу крестьян и на этом настаивает. Между тем известно, что в соседних с Устюжским уездах возникают частые беспорядки между помещиками и крестьянами, и что губернское Начальство, узнав о помянутых отзывах архимандрита Игнатия, опасается, дабы они, распространяясь

между жителями, не дали повода крестьянам к большому проявлению своеволия.

Считаю долгом таковые сведения сообщить Вашему Сиятельству, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем к Вам, милостивый государь, почтении и преданности.

Л. Дубельт.

8 августа 1852 г.

№5630

Секретно

Милостивый государь,
Леонтий Васильевич!

В последствии отношения Вашего Превосходительства от 2 сего августа №2975 о полученном из Новгорода частном сведении, будто бы командированный в Устюжский уезд в качестве Депутата о переследовании дела о крестьянах помещика Страхова архимандрит Игнатий, посещая некоторых жителей Устюжны, при посторонних лицах, говорил, что он прислан переделать следствие в пользу крестьян и на этом настаит, долгом считаю покорнейше просить Вас, милостивый государь, сообщить мне, не известно ли, кому именно и в каких домах он говорил сие, дабы я мог отнестись по сему предмету к кому следует для получения от упомянутого архимандрита надлежащего объяснения.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении.

Граф Протасов.

**III Отделения собственной Его Императорского
Величества Канцелярии Экспедиция 4,
Санкт-Петербург**

26 ноября 1852 г.

№4419

Секретно

**Господину Обер-прокурору
Святейшего Синода**

По отношению Вашего Сиятельства от 8 августа №5630, сделано было распоряжение по секретному дознанию об отзывах архимандрита Игнатия по делу о крестьянах помещика Страхова? ныне получено сведение, что архимандрит Игнатий убеждал устюжского Предводителя дворянства Ефимьева содействовать, при следствии, к оправданию виновных священников, намекая на принимаемое в этом деле участие Ее Высочеством Великою Княгинею Марией Николаевною, подобным же образом выражался в доме судьи Ушакова и в разговоре с полковником Коковцевым; потом убеждал одного из священников, показавшего при прежних исследованиях о подстрекательстве крестьян и впоследствии заключенных в монастырь, дабы отказался от своих показаний, с обещанием за это свободы; наконец, перед выездом в Санкт-Петербург, собрал прочих священников и объявил, что никто из них наказан не будет.

Имею честь сообщить это сведение, в ответ на упомянутое отношение Вашего Сиятельства.

Генерал-адъютант Г. Орлов.

*Протоиерей Максим Хижий
(Гусь-Хрустальный)*

Об увольнении на покой епископа Кавказского и Черноморского Игнатия Брянчанинова

Летом 1861 г. епископ Игнатий подал прошение об увольнении его на покой. Местом своего пребывания он просил определить Николо-Бабаевский монастырь. Впервые святитель Игнатий посетил это место в 1847 г., когда, будучи еще архимандритом и настоятелем Сергиевой пустыни под Санкт-Петербургом, он был освобожден от управления пустыней и для поправления подорванного здоровья приехал в этот тогда удаленный и малопосещаемый монастырь. Святителю понравилась эта обитель – и по причине климата, благотворно повлиявшего на его здоровье, и по причине уединения монастыря. Обитель находится на правом берегу реки Волги, при впадении в нее реки Солоницы, недалеко от с. Большие Соли, расположенного в 28 километрах от Ярославля. Монастырь основан в XV в. вследствие чудесного обретения иконы Николая Чудотворца, которую обнаружили на приплывшем по воде весле.

К моменту приезда Преосвященного обитель находилась не в лучшем состоянии. В скупых строках своих писем епископ Игнатий сообщает: «Живем благополучно: я в немощи очень отягощаюсь недостаточным теплом в помещении... В моих келиях комнатная температура с трудом возвышается до 12 градусов» [1, с. 708].

Находясь в обители, Владыка написал свои важнейшие сочинения, в том числе знаменитое «Приношение современному монашеству», содержащее правила для внешнего поведения и для внутреннего делания, составил «Отечник» – сборник изречений и фрагментов из жизнеописаний подвижников преимущественно первых веков христианства. В этом ему помог министр просвещения Авраамий Норов, обладавший великолепным собранием древних христианских рукописей и книг. В Николо-Бабаевском монастыре епископ Игнатий редактирует все свои сочинения, написанные им в течение жизни. Здесь были подготовлены к печати знаменитые «Аскетические опыты» (1–3 тома) и сборник «Аскетическая проповедь».

В значительной степени этому способствовала особенная атмосфера обители. Владыка Игнатий считал ее даром Божиим и отмечал, что «Бабаевский монастырь очень уединен, особливо зимою. А потому здесь ощутительно действуют бесовские брани; но Бог – Царь мира и Вседержитель, почему для предавшемуся Богу бесовские брани не страшны, а способствуют к преуспеянию» [1, с. 708]. Неслучайно это место послужило особенным стимулом для аскетического творчества Святителя. По преданию, владыка Игнатий писал в своих творениях только о том духовном опыте, который он пережил сам.

Ниже мы публикуем архивные материалы об увольнении епископа Кавказского и Черноморского на покой [2].

1. *Игнатий Брянчанинов, святитель*. Письма к разным лицам. Вып. II. СПб., 1993.

2. Об увольнении на покой епископа Кавказского Игнатия // РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 12.

«Об увольнении на покой епископа Кавказского Игнатия»

(Публикация архивных документов из Фонда
Канцелярии Обер-прокурора Святейшего Синода:
РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 12)

1

Милостивый государь,
Граф Александр Петрович!
<Толстой>

Весьма давно я имел желание вполне уклониться от мира и по полученном мною монашеском воспитании и направлении, и при созерцании болезненности моей, не обещающей мне долговременной земной жизни. Более и более рассматривая себя, убеждаюсь, что пустынным моим направлением я разошелся с направлением, требуемым служением посреди мира. Вследствие такого рассматривания и давнишнего рукоположения я посылаю сего дня рапорт в Св. Синод о моем положении, с прошением увольнения от управления Епархией, о предоставлении мне в управление общежительного Николаевского Бабаевского монастыря Костромской Епархии. Уведомляя Вас о сем, покорнейше прошу милостивого содействия Вашего, чем окажете мне истинное одолжение.

Призывая на Вас обильное благословение Божие, с чувствами совершенного почтения и преданности, имею честь быть Вашего Сиятельства покорнейшим слугою.

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

24 июля 1861 года.

Августейший Монарх, Всемилостивейший Государь!

Чувствуя крайнее оскудение сил от болезненности, продолжающейся около сорока лет, и постоянно питая в душе желание окончить дни в уединении, я подал в Святейший Синод рапорт, в котором, донося о состоянии моего здоровья, прошу увольнения от управления Епархией и предоставления мне в управление общежительного Николаевского Бабаевского монастыря Костромской Епархии, по тому образцу, как то сделано для многих Архиереев, уволенных от дел Епархиальных.

То милостивейшее внимание, которого удостоивали меня Ваши Августейшие Родители, называя меня своим воспитанником, внушает и дозволяет мне обратиться к Вашему Императорскому Величеству с всеподданнейшею и убедительнейшею просьбою.

Не по причине какой-либо заслуги и достоинств моих – их нет у меня – в память Ваших почивших Родителей и вследствие Ангельской доброты Вашего сердца окажите мне милость из милостей: повелите удовлетворить моему прошению, даруйте мне насущный кусок хлеба и просимый приют, в котором я мог бы окончить в мире и тишине дни мои, вознося недостойные и убогие молитвы о благоденствии Вашего Величества и всего Вашего Августейшего Дома, о покое и вечном блаженстве Ваших принопоминаемых Родителей.

С верноподданническими чувствами глубочайшего благоговения и всесовершенной преданности, имею счастье быть Вашего Императорского Величества, Всемилостивейшего Государя, верноподданнейшим слугою.

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

24 июля 1861 года.

Об увольнении на покой Епископа Кавказского Игнатия

Преосвященнейший Игнатий, Епископ Кавказский, просит об увольнении его от управления Епархией, по расстроенному здоровью.

Преосвященнейший Игнатий состоит в сане Епископа с 1857 года.

Святейший Синод, по вниманию к болезненному состоянию, которое не позволяет Преосвященному Игнатию продолжать пастырское служение, положил: просьбу его об увольнении от управления Епархией повергнуть на Высочайшее Вашего Императорского Величества воззрение, и по вниманию к долговременному служению его Святой Церкви ходатайствовать о Всемилостивейшем пожаловании ему в пенсию по тысяче рублей в год, на счет капитала, назначенного на пенсии духовенству. За сим Святейший Синод озаботится назначением монастыря, в котором Епископ Игнатий мог бы иметь удобное и спокойное местожительство.

По поручению Святейшего Синода, представляя о сих предположениях на благоусмотрение Вашего Императорского Величества, долгом поставляю, на случай утверждения оных, всеподданнейше поднести к Высочайшему подписанию проект указа и вместе с тем испрашивать Высочайшего соизволения предоставить Святейшему Синоду избрать на открывающуюся вакансию кандидатов.

Граф Толстой.

4

Указ Святейшему Правительствующему Синоду

Епископа Кавказского Игнатия, согласно его прошению, Всемилостивейше увольняем от управления Епархиюю.

Александр.
5 августа 1861 года.

5

Милостивый государь,
Князь Сергей Николаевич!
<Урусов>

Конфиденциальным письмом от 7 числа сего месяца Ваше Сиятельство испрашиваете, по Высочайшему повелению, частного моего мнения, кого из известных мною духовных лиц я признавал бы полезным для края назначить Епископом Кавказским и Черноморским на место увольняемого по прошению Преосвященного Игнатия.

Спешу отвечать, что из духовных лиц в таком сане я никого не знаю столь близко, чтобы мог рекомендовать для управления Кавказскою Епархиюю, и вполне доверяю выбору и назначению Святейшего Синода, тем более что Высокопреосвященному Исидору хорошо известны потребности и нужды края, в который призывается новый епархиальный начальник.

Примите уверение в моем совершенном почтении и преданности.

Подпись.
Дрезден, 18/30 августа 1861 года.

В Канцелярию Обер-прокурора Святейшего Синода

Выписка из определения Святейшего Синода
от 9/20 августа 1861 года

По указу Его Императорского Величества, Святейший Правительствующий Синод **слушали** предложение Его Святительства, Господина Обер-прокурора, Графа Александра Петровича Толстого, от 6 августа за №4470, именного Высочайшего указа об увольнении Преосвященного Игнатия от управления Кавказской Епархией. **Приказали: I.** Означенный Высочайший Его Императорского Величества Именной указ объявить, во-первых, самому Преосвященному Епископу Игнатию, во-вторых, Кавказской Духовной Консistorии - предписанием: Преосвященному Епископу Игнатию сделать по день состояния о нем настоящего Высочайшего указа, то есть по 5 число сего августа, надлежащий расчет во всех отпускаемых на Кавказский Архиерейский Дом и неокладных суммах, и получив принадлежащее себе, все прочее сдать под приемные расписки, в осмотрение и распоряжение местной Консistorии, и в Кавказской Духовной Консistorии, чтобы она, приняв от прежнего своего Архипастыря по приходным и расходным книгам денежные суммы, производила из них дозволенные только расходы, и не более того, сколько и на что, при нем, Преосвященном, исключая его, было производимо, прочие же деньги хранила в целости до прибытия нового Преосвященного, а когда он прибудет, предоставила в его распоряжение; казенным, домовым и ризничным, в чем бы оные ни со-

стояли, сделала верное по описям освидетельствование, и если бы чего не оказалось, оное взыскала с того, у кого утраченное в осмотрении или хранении было, а буде что взято самим Преосвященным, таковое требовала от него приличным образом, а потом, приняв от Преосвященного сдаточные, сообщила ему от себя приемные расписки.

II. Пребывание Преосвященному Епископу Игнатию, согласно желанию его, иметь в Николаевском Бабаевском монастыре Костромской Епархии, который предоставить в главное управление его, Преосвященного, с тем: а) чтобы Настоятель того монастыря и братия состояли к нему, Преосвященному, в таких точно отношениях, как бы к Епархиальному своему Архиепископу, и б) чтобы Преосвященный, заведывая монастырем и пользуясь, сверх Всемилостивейше пожалованной ему пенсии, лучшими в монастыре келиями, отоплением, освещением, прислугою и экипажем, и распорядясь суммами на потребности монастыря, не входил ни в какую часть штатного содержания Настоятелю определенного, равно не участвовал бы и в неокладных и других доходах по монастырю.

III. Хозяйственному Управлению при Святейшем Синоде предоставить сделать надлежащее распоряжение об ассигновании Преосвященному Игнатию со дня состояния Высочайшего указа об увольнении на покой Всемилостивейше пожалованной ему пенсии по 1000 рублей серебром в год из капитала, на пенсии Духовенству определенного.

IV, для припечатания о вышеизложенном Высочайшем указе в Сенатских ведомостях и в журнале «Духовная беседа» сообщить Правительствующему Сенату и Редакции означенного журнала по установленному порядку и **V,** для исполнения по сему в чем следует Преосвященно-

му Игнатию, Кавказской Духовной Консистории и Пресвященному Епископу Костромскому послать указы, в Хозяйственное же управление при Святейшем Синоде передать выписку из сего определения, а в Канцелярию Обер-прокурора Святейшего Синода и в Духовное учебное Управление сообщить таковые для сведения.

25 августа 1861 года.

7

Милостивейший государь,
Граф Александр Петрович!

Письмо Вашего Сиятельства от 6-го августа за №4488, коим по Высочайшему Повелению Вы изволили уведомить меня, что всеподданнейшее письмо мое от 24-го июля Его Императорским Величеством принято благосклонно и выраженные в нем мои желания удовлетворены, мною получено сего 21-го августа. Всепокорнейше прошу Ваше Сиятельство повергнуть к стопам Его Величества мою всеподданнейшую, неограниченную благодарность за оказанное мне благодеяние, которое по моему положению ветхости признано благодеянием величайшим.

Призывая на Вас обильное благословение Неба, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Сиятельства покорнейшим слугою.

Епископ Игнатий.
21 августа 1861 года.

Милостивейший государь,
Граф Александр Петрович!

11-го сего сентября получен мною указ Св. Синода об увольнении меня от управления Кавказскою Епархиєю и о предоставлении мне в управление Николаевского Бабаевского монастыря на правах Епархиального Архиерея. Я возблагодарил Бога за доставленное мне положение, удовлетворяющее меня до преизбытка во всех отношениях. Позвольте принести и Вашему Сиятельству искреннейшую признательность за содействие Ваше, которое признаю величайшим для меня благодеянием. Полагаю выехать из Ставрополя 15-го сентября.

С чувствами совершенного почтения и преданности имею честь быть Вашего Сиятельства покорнейшим слугою.

Епископ Игнатий.

14 сентября 1861 года.

Его Сиятельству Князю В. Андр. Долгорукову

Вследствие письма Вашего Сиятельства от 22 октября, на имя Алексея Петровича Ахматова, долгом считаю, по случаю его болезни, отвечать за него и уведомить, что Преосвященному Игнатию, управляющему ныне Бабаевским монастырем, производится, с Высочайшего разрешения, в пенсию по тысяче рублей серебром на счет капитала, назначенного на пенсии духовенству.

Возвращая при сем всеподданнейшее письмо Преосвященного с приложением, имею честь быть Вашего Сиятельства покорнейшим слугою.

Князь Сергей Урусов.

23 октября 1862 года.

О. И. Шафранова
(Москва)

Труды святителя Игнатия Брянчанинова по изданию своих творений и дальнейшая история их издания

В 2007 г. в Российской государственной библиотеке состоялась конференция, посвященная тройному юбилею святителя Игнатия Брянчанинова: 200-летию со дня рождения, 140-летию со дня блаженной кончины и 160-летию со времени его первых публикаций.

В 1847 г. Преосвященный Игнатий подал прошение об освобождении его по состоянию здоровья от должности настоятеля Троице-Сергиевой пустыни. Получив вместо ожидаемого освобождения одиннадцатимесячный отпуск для лечения, он отправился в Николо-Бабаевский монастырь Костромской епархии. Там наконец у него появилась возможность заняться литературным трудом, который он считал своим основным предназначением. «Молитва и слово Божие – вот занятие, единственно мне идущее», – писал он в одном из писем. Уже в первые полгода своего пребывания в Бабайках он написал и опубликовал два поэтических очерка: «Валаамский монастырь, по впечатлениям своих служебных командировок в Спасо-Преображенский Валаамский монастырь» и «Воспоминание о Бородинском монастыре», который он посетил по пути в Бабайки. В 1849 г. была опубликована «Священная повесть Иосиф», написанная им на обратном пути в Санкт-Петербург. И если не считать двух-трех переизданий этих

его сочинений, в течение тринадцати последующих лет из печати не вышло ни одного творения святителя Игнатия.

Однако это вовсе не означает, что он прекратил заниматься писательским трудом. Его ученик и келейник, будущий архимандрит Игнатий (Мальшев), в своих воспоминаниях писал, что при самых сильных огорчениях, при грубых оскорблениях, которые архимандриту Игнатию Брянчанинову приходилось переносить и от начальства, и от окружения, он удалялся в спальню, запирался на неделю, на две, «предавался молитве, плачу, но после долгого затвора всегда являлись на столе поучительные его творения и сам он выходил из своей темницы с светлым, необыкновенно радостным лицом».

Но он никому в то время, кроме ближайших учеников, не говорил об этих занятиях. Особенно поразительно, что в обширной переписке с оптинскими старцами, которым он много помогал в их издательской деятельности, Святитель ни разу даже не намекнул им о творениях, над которыми работал.

Причины нежелания его выступать с публикациями хорошо известны. Они вытекали из его отношений с цензорами: «...они так перемарывали рукопись и так изменяли сочинение», что оно делалось «чуждым ему и получало искаженный вид, могущий соблазнить читателя, а автора сделать посмешищем публики».

Таким образом, до выхода святителя Игнатия в отставку и приезда его в Николо-Бабаевский монастырь 13 октября 1861 г. перечень его сочинений, появившихся в печати, ограничивался всего пятью наименованиями.

Поэтому представляется, что именно второй бабаевский период жизни владыки Игнатия – пять с половиной лет – для нас, теперешних, является наиболее

важным. Потому что именно в этот период вышли в свет творения Святителя, наиболее ярко характеризующие его как выдающегося аскета-писателя, руководящие и монашествующих, и мирян по пути к спасению.

Вообще бабаевский период жизни епископа Игнатия является поразительным примером самоотвержения, ответственности перед самим собой за ниспосланный ему свыше дар.

Еще по дороге в монастырь у него в Москве случился сильнейший приступ болезни, и врачи определили, что причиной тому является «повреждение сердца». Больным и немощным прибыл он в монастырь. Немощным физически. Но не духом. «Лежу и лежу», – писал он своим родным. Тем не менее ему пришлось сразу же активно включиться в деятельность по устройству монастыря. И несмотря на это, он с первых дней направил огромные усилия на пересмотр и исправление своих рукописей, написание новых статей. «Выправка, – писал он, – дает статьям, написанным в разные времена и давно и очень давно, характер зрелости и характер целого».

Прежде всего Преосвященный занялся своим «особенно замечательным» сочинением – «Слово о смерти», над которым трудился еще в Сергиевой пустыни и которое завершил в Ставрополе. В 1862 г. оно вышло из печати. Напряженная работа продолжалась в 1863–1864 гг., когда наряду с подготовкой к изданию прежде написанных сочинений ему еще пришлось вступить в полемику, вызванную «Словом о смерти», и он написал «Отзыв на рецензию» и весьма обширное «Прибавление к “Слову о смерти”».

В 1865 г. вышли в свет первый и второй тома Сочинений святителя Игнатия, в 1866 г. – третий, в 1867 г. –

четвертый, содержащие «Аскетические опыты», «Аскетическую проповедь» и «Приношение современному монашеству». «Отечник», над которым он работал в эти же годы, вышел в свет уже после его кончины – в 1870 г. В эти же годы отдельными изданиями выходили некоторые статьи, иногда написанные вновь.

Необходимо отметить, что огромную помощь в издании томов оказывал епископу Игнатию его брат, Петр Александрович Брянчанинов. Как бывший губернатор, он пользовался определенным влиянием в Петербурге и взял на себя всю, так сказать, техническую часть по организации выпуска книг и затрачивал на это всю свою губернаторскую пенсию.

В последующие после ухода святителя Игнатия годы в периодических изданиях или отдельными брошюрами появлялись его статьи и очерки, переиздавались «Слово о смерти» и «Прибавление...» к нему. Собрание же его сочинений в пяти томах (без «Отечника») вышло в свет в 1886 г. и повторно в 1905 г.

Совершенно естественно, что после 1917 г., вместе со всеми «мероприятиями» по уничтожению у русского народа исторической памяти и борьбой с верой православной, никому и в голову не могла прийти мысль о переиздании трудов церковных писателей. Новое издание творений Преосвященного Игнатия Брянчанинова было осуществлено во второй половине XX в. в США усилиями Свято-Троицкого монастыря (Джорданвилль), основанного русской эмиграцией.

У нас некоторые сочинения и отдельные тома из Собрания сочинений Святителя начали издаваться только с 1989 г. В 1993 г. усилиями Московского издательства

«Правило веры» и Донского монастыря вышло в свет Собрание сочинений святителя Игнатия Брянчанинова в семи томах, из которых первые пять явились репринтным переизданием Собрания сочинений 1886 г., шестой том – «Отечник» – переизданием 1891 г., а седьмой том – «Письма» – был вновь собран из различных печатных источников. В последующие годы это издание 1993 г. неоднократно воспроизводилось разными издательствами. Положено оно было в основу и при издании «Полного собрания творений святителя Игнатия Брянчанинова» в восьми томах (2001–2007 гг.; издательство «Паломник»).

Как было сказано, это издание 1993 г. явилось репринтом Собрания сочинений 1886 г. Но, к сожалению, издание 1886 г. было составлено довольно странно, со многими отступлениями от содержания томов, вышедших при жизни епископа Игнатия, с изменениями в расположении глав, в их оглавлении и т.д. Отступления эти не были проанализированы и перешли в издание 1993 г. и соответственно в последующие издания, включая «Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова» в восьми томах.

Об этом издании остановлюсь особо. Необходимо отметить, что ответственный редактор Александр Николаевич Стрижов проделал огромную работу по сбору материалов, ранее не входивших в Собрания сочинений святителя Игнатия. Но при этом каждый вновь обнаруженный материал включался в состав того тома, который в то время готовился к печати. Из-за этого получалась некоторая нелогичность в содержании томов.

Думается, что эти обстоятельства должны быть учтены при подготовке последующих изданий Собраний творений святителя Игнатия Брянчанинова.

И особо еще хочется сказать о письмах. Как отмечалось, юбилейная конференция, посвященная святителю Игнатию Брянчанинову, проводилась в Российской государственной библиотеке. Это место было выбрано не случайно. Дело в том, что именно в РГБ находится замечательное сокровище – в отделе рукописей хранятся целые массивы писем святителя Игнатия Брянчанинова в подлинниках, которые не были опубликованы до 2007 г. Это переписка с оптинскими старцами, с многолетним сотрудником епископа Игнатия, его делопроизводителем и другом Павлом Петровичем Яковлевым, с членами семейства Брянчаниновых, с некоторыми выдающимися лицами той эпохи и др.

Таким образом, после включения в новое издание этих писем, а также обнаруженных в других архивах⁹ общее число опубликованных в составе восьмитомника писем святителя Игнатия, по сравнению со всеми ранее изданными сборниками, увеличилось на 400 единиц.

Учитывая большой интерес боголюбивых читателей к письмам Святителя, издательство «Паломник» решило напечатать их отдельным тиражом. Получилось с комментариями три объемистых тома, которые в настоящее время уже подготовлены к печати.

9 Для Ставропольской и Невинномысской епархии особый интерес могут представлять письма святителя Игнатия к выдающемуся военному деятелю Николаю Николаевичу Муравьеву-Карскому, обнаруженные в архиве Исторического музея. Из этих писем явствует, что именно Н. Н. Муравьев-Карский был инициатором назначения святителя Игнатия епископом в Ставрополь.

Список сокращений

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края

ИРЛИ – Институт русской литературы

РАН – Российская академия наук

РГБ – Российская государственная библиотека

РГИА – Российский государственный исторический архив

Сведения об авторах

Аксененко Елена Михайловна – научный сотрудник рукописного отдела Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом).

Бронская Людмила Игоревна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории новейшей отечественной литературы Ставропольского государственного университета.

Елагина Елена Николаевна – ведущий методист Ставропольского краевого историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве.

Протоиерей Михаил Моздор – заведующий кафедрой церковной истории Ставропольской Православной Духовной Семинарии.

Протоиерей Максим Хижий – кандидат философских наук, клирик Владимирской епархии.

Шафранова Ольга Ивановна – кандидат экономических наук, составитель «Полного собрания писем святителя Игнатия Брянчанинова».

Содержание

Аксененко Е. М.

Духовное водительство святителем Игнатием
Брянчаниновым монахов-литераторов (на примере
творчества монахини Марии (Елизаветы Шаховой)) 3

Бронская Л. И.

Идея святости в эпистолярном наследии
святителя Игнатия Брянчанинова 24

Елагина Е. Н.

Род Брянчаниновых в истории Ставрополя 32

Протоиерей Михаил Моздор

Некоторые аспекты архипастырского
служения святителя Игнатия Брянчанинова
на Кавказе 41

Протоиерей Максим Хижий

Святитель Игнатий Брянчанинов в секретной
переписке III Отделения с Обер-прокурором
Святейшего Синода 49

«О командировке архимандрита Игнатия
по делу о крестьянах помещика Страхова»
(Публикация архивных документов) 52

Протоиерей Максим Хижий

Об увольнении на покой епископа Кавказского
и Черноморского Игнатия Брянчанинова 57

«Об увольнении на покой епископа Кавказского Игнатия»
(Публикация архивных документов) 59

Шафранова О. И.

Труды святителя Игнатия Брянчанинова по изданию
своих творений и дальнейшая история их издания 67

Список сокращений 73

Сведения об авторах 74

Научное издание

**Духовное наследие
святителя Игнатия Брянчанинова**

Материалы IV Свято-Игнатиевских чтений

г. Ставрополь, 11-12 мая 2011 г.

Выпуск I

Издательство «Графа».
г. Ставрополь, ул. Серова, 276.

Подписано в печать 26.10.2012.
Формат 70 x 100 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,5.
Тираж 600 экз. Заказ № 160.

Отпечатано в типографии ООО «Графа».